

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наталия Чепелева

(Киев)

Обґрунтовується підхід до тексту як моделі взаємодії автора й читача. Розглядаються основні конституційні ознаки тексту – зв'язність, цільність, осмисленість, завершеність, структурність, подільність, інформативність та діалогічність. Виділяються основні характеристики діалогічного тексту, а також інформаційні плани письмового повідомлення.

Ключові слова: *текст, комунікативно-пізнавальна діяльність, розуміння, лінгвістичні та психолінгвістичні підходи.*

Обосновывается подход к тексту как модели взаимодействия автора и читателя. Рассматриваются основные конституционные признаки текста – связность, цельность, осмысленность, завершенность, структурность, делимость, информативность и диалогичность. Выделяются основные характеристики диалогического текста, а также информационные планы письменного сообщения.

Ключевые слова: *текст, коммуникативно-познавательная деятельность, понимание, лингвистические и психолингвистические подходы.*

The article justifies the approach to the text as a model of author – reader interaction. Scrutinized are the principal constitutional characteristics of the text, such as coherence, integrity, meaningfulness, comprehensiveness, structure, severability, informative content, and dialogic nature. The main features of the

dialogic text are elicited, as well as the information layers underlying the written communication message.

Key words: *text, communicative and cognitive activity, understanding, linguistic and psycholinguistic approaches.*

Постановка проблемы. Текст можно определить как превращенную форму общения, диалога между субъектами коммуникации, в которой запечатлена коммуникативно-познавательная деятельность автора, реализован его замысел, структура мыслей, которые он хотел бы донести до читателя, эмоционально-оценочное отношение к излагаемому материалу, а также заложена программа коммуникативно-познавательной деятельности читателя, регулирующая процесс взаимодействия с текстом, способствующая адекватному его пониманию.

Таким образом, текст можно рассматривать как модель взаимодействия автора и читателя. Такой подход к тексту отличается от чисто лингвистического подхода, рассматривающего текст как последовательность речевых единиц и замыкающегося в границах сообщения, не стремясь выйти за его пределы. Хотя современные лингвистические подходы, прежде всего когнитивная лингвистика, стремятся преодолеть это ограничение.

Актуальность исследования. Психологический подход к тексту должен, в первую очередь, опираться на его металингвистическую природу, которая позволяет, с одной стороны, изучать произведение в контексте, деятельности, которую он обслуживает, с другой – учитывать связи текста не только с другими текстами, но и с предметной действительностью, отражением которой он является, а также с субъектами, процесс взаимодействия которых он моделирует.

Иными словами, психологический подход к тексту требует раскрытия рамок произведения, выхода в нетекстовую реальность. Только это позволит

выявить действительную сущность текста, те характеристики, которые определяют его понимание и интерпретацию.

На этом аспекте акцентируют внимание многие исследователи. Так, Р.Барт отмечает "Основу текста составляет не его внутренняя, закрытая структура, поддающаяся объективному изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки: иначе говоря, сущность текста не в тексте как таковом, а в его метатекстовом характере" [2].

Цель статьи: обосновать подход к тексту как модели взаимодействия автора и читателя; охарактеризовать основные конституционные признаки текста.

Изложение основного материала. Основанием для трактовки текста как сложного семиотического образования, моделирующего взаимодействие автора и читателя, служат идеи М.М.Бахтина, который рассматривал текст как всеобщую форму общения людей и их взаимопонимания. По Бахтину, текст – это “единица-двойчатка”, в котором воплощена позиция автора, его голос, с одной стороны, с другой – обращения к другим текстам и к читателю, который вопрошает, сомневается, или соглашается с позициями автора, выраженными в тексте [3]. В.С.Библер, анализируя идеи Бахтина, отмечает "Для понимающего гуманитария текст существует как граница встречающихся реплик, как встреча направленных друг к другу речей (спрашивающих, отвечающих, соглашающихся, сомневающих). Как смена ответного говорения и внимательного слушания. Иначе текста нет" [4]. О важности реального существования текста только при условии стягивания, сведения двух крайних полюсов коммуникативного акта (автора и реципиента) говорит и С.А.Васильев [6]. Таким образом, "текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи и, подобно тому, как мы извлекаем из него позицию автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя" [12].

Таким образом, важнейшей характеристикой текста как модели взаимодействия автора и читателя является его *диалогичность*. Однако тут

возникает вопрос, любой ли текст можно считать диалогичным или же существуют и монологичные тексты.

Как отмечают С.С.Гусев и Г.Л.Тулчинский, любой текст представляет собой внутреннюю диалогическую структуру, так как содержит в себе как явные, так и подразумеваемые апелляции к одним авторам, направлен против взглядов других, опирается на известные факты и положения или подвергает их сомнению. Недиалогичный текст, если бы он был возможен, воспринимался бы как полностью лишенный смысла, или как таковой, которому может быть приписан любой смысл, что практически одно и то же [8].

Другой точки зрения придерживается М.С.Каган, считая диалогичными только художественные произведения. "Если научная, техническая, фактическая и т.п. информация, – пишет он, – транслируется в форме сообщений, т.е. монологических посланий отправителя получателем, то художественная информация вообще не "посылается", не "сообщается" – она рождается в процессе общения художника и читателя, зрителя, слушателя, будучи плодом их совместной активности" [10].

Конечно, частично можно согласиться с приведенным выше высказыванием, однако, только в том случае, если мы будем говорить не о жесткой дихотомии диалогичность/монологичность, а о большей или меньшей степени диалогичности различных текстов. Действительно, художественные тексты в абсолютном большинстве случаев на шкале диалогичности занимают более высокое "место", чем учебные, научные или даже научно-популярные.

Однако, если мы придерживаемся определения смысла как ответа на вопросы (М.М.Бахтин), то отказывая нехудожественным текстам в диалогичности, мы по сути лишаем их смысла для читателя. Кроме того, как отмечает И.И.Васильева, "информация не является полноценным высказыванием, она содержит только значение. Если же суждение сопровождается информацией об отношении к нему говорящего, то оно тем

самым приобретает смысл и из элемента знаковой системы становится единицей речевого общения, выполняя коммуникативную функцию" [7].

По нашему мнению, приведенное выше положение, с которым мы солидаризируемся, ставит под сомнение мысль М.С.Кагана о некоммуникативности нехудожественных текстов. Действительно, если в таких текстах зафиксировано отношение автора к излагаемому материалу, то уже это предполагает, во-первых, осмысленность материала для автора и, во-вторых, направленность текста на предполагаемого читателя (иначе не имело бы смысл фиксировать это отношение), т.е. его коммуникативность.

Диалогичность текста тесно связана с такой его важнейшей характеристикой, как *осмысленность*. Действительно, как отмечает С.А.Васильев, смысл синтезируется, создается в актах общения и включает в себя как общезначимое и особенное содержание, так и уникальные моменты, порождаемые опытом каждой личности [6].

Соответственно, говорить об осмысленном тексте можно лишь в том случае, когда в его создании принимают участие как автор, который "закладывает" смысл в текст (не только определенное содержание, но и свои ценности, отношения, оценки и т.п.), так и читатель, который, опираясь на свой когнитивный и метакогнитивный опыт, этот смысл частично воссоздает, а частично и синтезирует новый смысл, адекватный своему опыту. Естественно, что механизмы смыслового синтеза включаются только в том случае, если читатель имеет дело с диалогичным текстом, т.е. текстом, который несет в себе потенциальные возможности смыслообразования.

Таким образом, отвергая дихотомию диалогичность/монологичность, мы считаем возможным разграничивать тексты по признаку диалогичности/недиалогичности, считая, что полностью монологичных текстов быть не может. Даже текст инструкции о пользовании каким-нибудь электроприбором, который ценен прежде всего своей информативностью, а отношение автора к излагаемому материалу явно нецелесообразно или даже вредно, несет в себе признаки диалогичности, поскольку направлен на

читателя, который должен эту инструкцию понять. Кроме того, даже самый недиалогичный текст несет в себе возможность более или менее выраженных диалогических реакций, т.е. возможность диалогического взаимодействия с ним.

Разграничивая тексты по признаку диалогичности/недиалогичности, уточним, что именно мы вкладываем в подобное разграничение.

Характерным для диалогичного текста является попытка “втянуть” читателя в совместный с автором поиск истины, решение каких-то теоретических или практических проблем. В отличие от этого, недиалогически построенный текст представляет собой изложение готового результата, не стимулирует мыслительную и коммуникативную деятельность реципиента. Он ориентирован не столько на размышления, сколько на запоминание, пассивное усвоение. Автор диалогичного текста претендует не только на передачу определенной информации, но и на установление контакта с реципиентом, трансляцию ему личностных смыслов (своих взглядов, ценностей, отношений) и стремится к их принятию реципиентом, безусловно, без их грубого навязывания. Кроме того, диалогичный текст, в отличие от недиалогичного, несет в себе несколько вариантов понимания (степеней свободы понимания), не задавая один жестко ограниченный способ интерпретации. Именно поэтому функция его не только информирующая, как у недиалогичного сообщения, но и развивающая, а часто даже и воспитывающая.

Таким образом, диалогичный текст представляет возможность творческого восприятия сообщения, способствуя тем самым формированию гуманитарного мышления читателя, основным механизмом которого и является диалог.

Едва ли не важнейшим признаком диалогичного текста является явная выраженность в нем автора и читателя (которые представлены рефлексивным и регулятивным слоями информации).

На значимости автора и читателя как текстообразующих факторов обращали внимание многие исследователи. При этом отмечается, что автор и читатель, как два полюса коммуникации, проявляются на разных уровнях. Прежде всего, – на внетекстовом как реальные субъекты коммуникации. Однако они имеют и внутритекстовую репрезентацию и характеризуются как имплицитные автор и читатель (термин рецептивной эстетики). “Писатель (реальный автор) создает не просто идеального, безличного “человека вообще”, но подразумеваемый вариант самого себя (второе “Я” автора) и тот образ, который создается у читателя в результате его присутствия в тексте” [9]. Выделяются также различные ипостаси имплицитного читателя – идеальный читатель, т.е. субъект, способный полностью реализовать потенциальные значения текста; виртуальный читатель и несостоятельный читатель, фигура которого иногда вводится автором в текст сознательно.

Кроме того, к важнейшим характеристикам диалогического текста, вытекающим из предыдущей, можно отнести его персонифицированность, т.е. наличие в нем элементов, которые четко характеризуют автора текста и, что особенно важно, выражают авторское отношение к излагаемому содержанию, его оценку, а также адресованность, т.е. направленность на определенную группу читателей.

Важной характеристикой диалогического текста является также наличие в нем скважин, которые как бы задают ритм внутреннего диалога реципиента. Скважины – это пропуск в изложении или обосновании некоторых положений, которые автор как бы не “додумывает”, давая возможность сделать это читателю. Сюда же относятся и текстовые паузы, выражаемые на письме внешними средствами – пробелами, звездочками и т.п. Часто они служат знаком смены темы изложения.

Последняя характеристика диалогического текста – представленность в нем разных точек зрения на излагаемые проблемы, сопоставление различных смысловых позиций. Именно в таком противопоставлении, а часто и борьбе смысловых позиций рождается общий смысл текста, который, в отличие от

его значения, включает в себя модальные, ценностные компоненты. Другими словами, сообщение приобретает смысл в том случае, если в него включена информация об отношении автора к излагаемому содержанию и стремление сформировать такое же отношение у читателя, приобщить его к своей системе ценностей. Иначе говоря, осмысленность и коммуникативность текста тесно взаимосвязаны. Как отмечает Ю.М.Лотман, функционирование текста обеспечивают два механизма – семиотический и коммуникативный. Первый кодирует сведения о внешней действительности, второй - связывает структуры языковой семантики с реальными условиями коммуникативного акта. Действием семиотического механизма обуславливается семантическая структура текста, действием коммуникативного механизма – его осмысленность [14]. Семиотический механизм, таким образом, обеспечивает функционирование текста на уровне знаковости, коммуникативный – на уровне смысла.

Диалогические отношения могут существовать не только внутри текста, но и между различными произведениями. Межтекстовые связи обеспечивают диалог различных научных школ, подходов, исторических и культурных традиций, включая произведение в культурно-исторический контекст.

Таким образом, диалогичный текст, обладая всеми конституционными признаками текста, отличается большей коммуникативной направленностью, ярко выраженными адресованностью и персонифицированностью, ориентированностью на другие тексты, т.е. включенностью в личностный и культурно-исторический контексты.

Остановимся на других характеристиках текста, которые обеспечивают его функционирование как сложного семантико-смыслового образования, моделирующего взаимодействие автора и читателя.

Одним из важнейших, наряду с цельностью, признаков текста, является *связность* т.к. несвязный текст, по крайней мере, в структуралистской парадигме, вообще невозможен. Хотя если мы выйдем за рамки этой

парадигмы, то связность текста, прежде всего для постструктурализма, не является столь очевидной. Связность обеспечивается совокупностью взаимодействующих факторов: логикой изложения, специфической организацией языковых средств, коммуникативной направленностью, композиционной структурой.

Цельность текста в свою очередь, обеспечивается основным концептом, общим его смыслом, в соответствии с которым каждый элемент сообщения приобретает свой законченный смысл. Цельность текста, как отмечает А.А.Леонтьев, коренится в коммуникативной интенции говорящего и в иерархии планов (программ) речевого высказывания. Цельный текст определяется им как текст, который при переходе от одной последовательной ступени к другой, более глубокой, каждый раз сохраняет смысловое тождество, лишаясь лишь маргинальных элементов [11].

С цельностью текста тесно связана следующая его характеристика – *завершенность*, которая, по Бахтину, определяется тремя факторами: 1) предметно-смысловой исчерпанностью, 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего, 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения. Первый и важнейший критерий завершенности, как отмечает М.М. Бахтин, – это возможность ответить на него, точнее и шире – занять в отношении его ответную позицию (например, выполнить приказание) [3].

Однако завершенность высказывания, несмотря на свою внешнюю соотносимость с понятием цельности, предлагаемым в психолингвистических работах, является, прежде всего, характеристикой текста диалогического. Недаром М.М.Бахтин, характеризуя завершенность текста-высказывания, определяет ее как внутреннюю сторону важнейшей особенности произведения – смены речевых субъектов, обрамляющей высказывание и обеспечивающей его отграниченность от других высказываний [3]. Иначе говоря, Бахтин переводит проблему текста в другую плоскость анализа, рассматривая его как звено в цепи речевого общения.

Структурность также тесно связана с цельностью, так как основная мысль, концепт сообщения объективируется в его структуре. Любой текст представляет собой единство внешней (формальной) и внутренней (смысловой) структур, которые тесно соотносятся с двумя семантическими уровнями сообщения – поверхностным и глубинным.

Поверхностная семантика текста состоит в соотнесении его элементов с обозначаемыми этими элементами объектами или понятиями. Но, как отмечает Ю.А.Шрейдер, нам гораздо важнее понять глубинную семантику этого сообщения – “для чего все это говорилось, какой смысл, в чем суть сказанного на самом деле?” [15]. И говорить о глубоком понимании текста можно лишь в том случае, если реципиент в состоянии ответить на эти вопросы. Если же он этого сделать не в состоянии, значит, он не продвинулся дальше поверхностного уровня сообщения. Таким образом, глубинная семантика текста содержит основной концепт, основной смысл сообщения. Поверхностная семантика, в свою очередь, характеризует особенности раскрытия этого концепта в данном конкретном тексте.

Со структурность текста тесно связана и такая его особенность, как *делимость*. Это та характеристика текста, которая более всего приближается к постструктуралистской и шире – постмодернистской трактовке сообщения. Она дает возможность оперировать с фрагментами текста в процессе его восприятия. Благодаря этому свойству мы можем сравнивать, преобразовывать отрывки текста, сопоставлять фрагменты, дистантно отдаленные друг от друга, устанавливать смысловые связи между отдельными элементами сообщения, а иногда и реконструировать текст, разобрав его на элементы и собрав из них совершенно новый текст.

Как отмечает А.А.Брудный, благодаря делимости текста, читатель в состоянии мысленно сопоставить отдельные звенья содержания, комбинировать их в сочетаниях, позволяющих глубже понять суть прочитанного. Делимость текста создает возможность опускать одни его элементы, обращаясь к другим повторно; эта возможность строить “свой”,

читательский текст из предложенного набора элементов [5]. Иными словами, делимость обеспечивает во многом возможность читательской интерпретации воспринимаемого сообщения, его осмысления. На это свойство текста указывает и Р. Барт, говоря о том, что текст можно дробить, не уважая его органическую цельность [1].

Важнейшим конституционным признаком текста является также его информативность. Это понятие в нашей трактовке отличается от понятия информативности сообщения Т.М. Дридзе, которая предлагает рассматривать информативность не как абсолютное количество информации в тексте, (т.е. его общую информационную насыщенность), а с точки зрения информации, которая станет достоянием реципиента [13]. Иными словами, информативность, с точки зрения Т.М.Дридзе, – это то количество информации, которое усвоено реципиентом в результате чтения текста, и является, следовательно, скорее характеристикой реципиента, а не собственно текста.

С нашей точки зрения, информативность текста - это его способность нести некоторое сообщение. И, соответственно, в тексте можно выделить несколько содержательных планов информации:

1. Когнитивная информация, которая включает в себя фактологические и теоретические элементы и по сути обеспечивает значенческий уровень текста. Она содержит сообщение о фактах, событиях, теоретических положениях, заложенных в текст его автором.

2. Рефлексивная информация, состоящая, в свою очередь, из концептуального слоя, цель которого - сообщение реципиенту авторского понимания отношений между явлениями, фактами, мыслями, представленными в когнитивном информационном плане. Кроме того, рефлексивная информация включает в себя экспрессивный слой, выражающий авторское отношение к тем или иным положениям, излагаемым в тексте, их оценку. И, наконец, индексальная информация, указывающая на те или иные характеристики автора, роль, которую он отводит себе в данном

произведении (то ли бесстрастный повествователь, то ли заинтересованный собеседник, оппонент и т.п.). Иными словами, индексальная информация как бы репрезентирует автора текста, причем независимо от того, ставит ли он перед собой такую задачу или нет.

Отметим, что рефлексивный план информации, в отличие от когнитивного, не всегда может быть явно выражен в тексте (вербальными или невербальными средствами). Часто объективация такой информации требует от реципиента больших усилий, сложной умственной работы. Однако, если он оставляет без внимания эту информацию, то результат понимания, как правило, невелик.

3. Регулятивная информация, основная функция которой – управление восприятием и пониманием текста. Кроме того, наличие в тексте регулятивной информации дает возможность реципиенту структурировать сообщение, т.к. содержит маркеры начала и конца отдельных смысловых фрагментов сообщения (выраженные вербальными или невербальными средствами). Она также помогает реципиенту установить связи между отдельными фрагментами текста, выдвигать гипотезы относительно дальнейшего развития содержания. Последняя функция регулятивной информации – повышение интереса к воспринимаемому тексту и поддержание его на определенном уровне на протяжении всего периода взаимодействия с произведением.

Рефлексивный и регулятивный планы информации не несут для реципиента новых сведений относительно той реальности, которая описывается в тексте, являясь в какой-то мере избыточными, т.к. основное содержание текста отражено в когнитивном информационном плане. Однако избыточность повышает понятность сообщения, предотвращая “затопление” реципиента новой информацией, давая ему возможность осмыслить поступившую информацию, прогнозировать дальнейшее развитие содержания текста.

Выводы. Таким образом, информационную насыщенность текста можно представить следующим образом:

1. Когнитивный план

- фактологическая информация
- теоретическая информация

2. Рефлексивный план

- концептуальная информация
- экспрессивная информация
- индексальная информация

2. Регулятивный план

- антиципирующая информация
- ретроципирующая информация

Первый информационный слой представляет собственно текст, его предметно-смысловое содержание, второй – автора, третий – соответственно реципиента, роли которых запрограммированы в структуре произведения. И если когнитивную информацию условно можно представить как выражение знаковой сущности текста, то рефлексивную и регулятивную – смысловой. Иными словами, текст, в котором отсутствуют два последних информационных слоя, по сути, является бессмысленным.

Текст становится объектом психологического исследования при условии, что он рассматривается как центральное звено в коммуникативной цепи "Автор – Сообщение – Реципиент" и предполагает изучение его с точки зрения тех характеристик, которые "стягивают" два крайних полюса коммуникации, обеспечивая порождение, синтез нового смысла и обогащая тем самым личностный опыт реципиента.

Література

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX - XX вв. – М., 1987.

2. Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 1X. – М., 1980.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
4. Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М.М.Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. – М., 1989.
5. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М., 1998.
6. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. – К., 1988.
7. Васильева И.И. О значении идей М.М.Бахтина о диалоге и диалогических отношениях для психологии общения // Психологические исследования общения. – М., 1985.
8. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. – М., 1985.
9. Ильин И.П. Между структурой и читателем (Теоретические аспекты коммуникативного изучения литературы) // Художественная рецепция и герменевтика. – М., 1985.
10. Каган М.С. Мир общения. – М., 1988.
11. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – К., 1979.
12. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. – Вып. 1X. – Тарту, 1977.
13. Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – К., 1979.
14. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989.
15. Шрейдер Ю.А. К определению глубинной семантики // Философские проблемы общения. – Фрунзе, 1976.